

11. Приймак, Н.И. Мемуары, дневники, письма как исторический источник : учебное пособие / Н.И. Приймак, К.О. Валегина. – Санкт-Петербург : «ЛЕМА», 2018. – 72 с.
12. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 77. Оп. 1. Д. 30.
13. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 28.
14. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1.
15. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 26.
16. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 27.
17. ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 29.
18. Глинкина, Л.А. «Весь ваш без церемоний...» (речевой этикет в частных письмах XIX века) / Л.А. Глинкина // Русская речь. – 1985. – № 1. – С. 39–45.

Камардина Е.Е., студентка 5 курса исторического факультета

Цыряпкина Ю.Н., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории

Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул

РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ТУРКЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Аннотация. В статье рассматривается роль православия в переселенческой политике Российской империи в Туркестане в конце XIX – начале XX в. Показано, что в Туркестан преимущественно привлекались переселенцы православного вероисповедания. Согласно переписи населения 1897 г., в двух крупнейших областях Туркестана Сырдарьинской и Семиреченской доля православных переселенцев была крайне мало, однако, в статье доказано, что православные переселенцы являлись промежуточным звеном приобщения коренного населения к российской государственности.

Ключевые слова: Туркестан, переселенцы, государство, православие, ислам.

E.E. Kamardina

Yu.N. Tsyryapkina

THE ROLE OF ORTHODOXY IN THE RESETTLEMENT POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN TURKSTAN AT THE END OF THE XIX - THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Abstract. The article discusses the role of Orthodoxy in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan in the late XIX - early XX centuries. It is shown that migrants of the Orthodox religion were mainly attracted to Turkestan. According to the 1897 census, in two largest regions of Turkestan, the Syr Darya and Semirechensk regions, the share of Orthodox immigrants was extremely small, however, the article proved that Orthodox immigrants were an intermediate link in introducing the indigenous population to Russian statehood.

Keywords: Turkestan, migrants, state, Orthodoxy, Islam.

В рамках программы по освоению вновь присоединенных территорий Средней Азии туркестанская администрации огромное значение придавала закреплению в регионе православия. Судьба православия в Туркестане была тесно связана с переселенческим движением во вновь покоренный край.

Научная новизна данной работы состоит в том, что в ней помимо уже опубликованных источников задействованы и ранее не опубликованные архивные документы, что позволило нам в достаточной степени охарактеризовать роль и значение

православия в государственно-религиозных отношений в Туркестане в конце XIX – начале XX в.

Теоретическая значимость данной статьи состоит в том, что в ней характеризуется роль православия в переселенческой политике в Русский Туркестан во второй половине XIX – начале XX в., без чего невозможно глубоко и всестороннее проанализировать среднеазиатскую действительность ни в прошлом, ни в настоящем времени.

Практическая значимость работы состоит в том, что в связи с тем, что Россия является многонациональным и поликонфессиональным государством, опыт её дореволюционной государственности представляет несомненную важность, как для нынешнего, так и для будущего руководства. Ведь мирное сосуществование людей разной этнической и религиозной принадлежности в рамках одной страны не представляется возможным без понимания основ мировоззрения и жизненных убеждений окружающих.

Особенностью данной проблематики является то, что в досоветский и раннесоветский периоды вопрос о значении и роли религии в жизни русских переселенцев в Туркестане фактически не освещался, что объясняется государственной политикой СССР по построению атеистического общества. Можно говорить о том, что одной из первых обобщающих публикаций по данной теме стала позднесоветская работа А.И. Гинзбург [13]. В данной публикации автор раскрывает социально-экономический и демографический аспекты переселений русского и украинского крестьянства в Туркестанский край. В начале XXI в. расширяется круг отечественных исследователей Туркестана. В трудах таких российских ученых, как Т.В. Котюкова [15], С.Н. Абашина, Д.Ю. Арапова, Н.Е. Бекмаханова [16], представляется новый авторский взгляд на историю региона в составе Российской империи. Авторы стремятся преодолеть стереотипы, связанные с взаимоотношениями России с её азиатской окраиной, а также рассмотреть широкий спектр вопросов и проблем: управленческих, правовых, этнодемографических, национальных, образовательных и социально-экономических.

В последние годы появились публикации, в которых авторы уделяют пристальное внимание вопросам, связанным с религиозной идентичностью и ролью религии в формировании переселенческого сообщества в Туркестане). Научными поисками в этой области занимаются такие исследователи, как С.Н. Брежнева [9], А.П. Волков [10], Ю.Н. Цыряпкина [18] и др.

В основу источниковой базы статьи легли материалы докладов и отчетов чиновников, которые периодически посещали Туркестан с целью ревизии. Весьма ценная информация содержится в отчетах сенатора-ревизора графа К.К. Палена [3], чиновника по особым поручениям Н.А. Гаврилова [6], а также в докладе старшего чиновника особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе коллежского советника Ю.Д. Южакова [8]. Кроме того, важные сведения о законодательных реалиях данного процесса содержатся в Положении об управлении Туркестанским краем 1886 года [7]. Конкретные статистические данные, без которых невозможно в полной мере представить масштабы переселенческого движения, можно почерпнуть в 86 томе Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, который посвящен Сырдарьинской области. Кроме того, особую ценность в деле исследования данной темы представляют неопубликованные источники из Центрального государственного архива Республики Узбекистан, а именно Протокол заседания Туркестанского отдела, Высочайше утвержденного при Священном Синоде Особого совещания по удовлетворению духовных нужд русских переселенцев Туркестанского края.

Вторая половина XIX – начала XX вв. в Российской империи характеризовалась тем, что одним из доминирующих стал принцип государственного единства России. Для достижения этой задачи в присоединенных территориях использовались следующие приёмы: во-первых, увеличение количества русского православного населения, за счет переселенческой политики, а, во-вторых, русификация населения посредством реформации системы образования [14]. Сам генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман

говорил: «Только народное образование способно завоевать край духовно: ни оружие, ни законодательство не могут сделать этого, а школа и только школа может» [2].

Иными словами, первый устроитель Туркестанского генерал-губернаторства К.П. фон Кауфман и его последователи не ставили задачу насильно искоренить ислам в регионе. Все так же существовали медресе, мечети, а в 1900 г. был снят запрет с паломничества в Мекку [15]. Но при этом ислам как институт не имел никакой государственной поддержки, а распространение российской государственности должно было отвратить мусульманское население от ислама и его институтов.

Можно сказать, что переселенческая политика Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве была направлена на формирование русского земледельческого анклава, который наряду с воинскими контингентами стал бы «оплотом российского самодержавия в Туркестане» и способствовал развитию экономики в выгодном для империи направлении [18].

Приток переселенцев начинается с 1868 г. после принятия «Временного уложения», согласно которому все земли коренного населения перешли в государственную собственность. С 70-х гг. XIX в. начался наплыв в Туркестанский край переселенцев из центральных областей страны. Вначале (1867–1883 гг.) это переселение поддерживалось правительством, поскольку отвечало требованиям колонизации окраин. Правовой основой такого переселения были приказы туркестанского генерал-губернатора.

К началу 1880-х гг., когда крестьянский земельный голод сделался реальной угрозой для стабильности империи, правительство стало осознавать, что необходимо упорядочить переселенческое движение. Одной из инструкций в деле водворения был приказ генерал-губернатора М.Г. Черняева от 3 марта 1883 года, который определял следующее:

1. Водворению подлежат только лица русского происхождения.
2. Размер усадебных участков должен составлять 1000 кв. сажень, а полевых – в 9 десятин сроком на 10 лет.
3. Поселенец, получивший надел в собственность, по истечении срока получает возможность отчуждать свою землю [3].

Если рассматривать структуру переселенцев, то наибольшее значение в процессе интеграции Туркестана в общеимперское пространство отводилось религии водворяющихся в Туркестан переселенцев. Основным правовым аспектом переселенческой политики в Туркестане было стремление имперских властей стимулировать переселение православного населения из России. Кроме того, предусматривалось запрещение водворения в Туркестанский край мусульман из так называемых «внутренних» губерний империи и русских-сибиряков, принадлежавших к различным «раскольническим» толкам. А также казанским татарам, поскольку они «могут содействовать развитию фанатизма у местных мусульман и особенно вредно влиять в этом отношении на киргиз» [11]. Новый проект «Туркестанского положения» об управлении краем от 1873 г. откровенно запрещал переселение вышеназванных категорий населения из России в Среднюю Азию. Однако «излишняя откровенность» могла очернить образ веротерпимой России на международной арене, поэтому данный Проект вновь не был законодательно утвержден. Иными словами в 1870-х переселенческий процесс во многом сдерживался нормативно-правовыми ограничениями по конфессиональным признакам [11].

В данных условиях основным руководством по водворению становился приказ генерал-губернатора М.Г. Черняева от 3 марта 1883 г., гласивший следующее:

«1. К переселению в Туркестанский край допускаются лица исключительно русские подданные христианских вероисповеданий, принадлежащие к состоянию сельских обывателей;

2. Переселенцам отводятся, с разрешения Генерал-Губернатора участки из свободных государственных земель в таком размере, в каком по местным обстоятельствам, окажется возможным отвести без затруднений, но, во всяком случае, не свыше 10 десятин на каждого работника;

3. Бумаги по делам о переселении изымаются от оплаты гербовым сбором, а сами переселенцы освобождаются в течение первых 5 лет по водворении от уплаты государственного поземельного налога, а в следующее за тем пятилетие вносят означенный налог в полном размере» [3].

В 1886 г., почти через 20 лет использования в управлении «незаконного» Проекта 1867 г., был принят законодательно утвержденный правовой акт – «Положение об управлении Туркестанским краем» [12]. Так, ст. 262-я этого «Положения» гласила, что помимо лиц христианского вероисповедания к переселению допускались «нижние чины» всех вероисповеданий после окончания ими воинской службы и выхода в запас: «...нижние чины войск Туркестанского военного округа, уволенные в запас или отставку взамен возвращения на родину могли просить о водворении в край. Означенным лицам предоставлялись следующие преимущества: 1) Им отводились участки из свободных государственных земель, не превышавшие десяти десятин на работника, и 2) в течение первых 10-ти лет по водворении они освобождались от уплаты государственного поземельного налога. Сверх того, им производились единовременные пособия в размере не свыше 100 рублей каждому. Участки водворенных нижних чинов, оставивших Туркестанский край ранее 10 лет с момента приписки к сельскому или городскому обществу подлежали отобранию в казну и поступали в ведомство Государственных имуществ» [3].

Голод 1891 г. обусловил мощный всплеск переселения населения из Европейской территории Российской империи в Туркестан в 1892 г. Ограничить переселение голодных и изможденных людей для туркестанских властей уже не представлялось возможным [12].

Наиболее заселяемыми областями Туркестана в этот момент были Сырдарьинская и Семиреченская области. Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи от 1897 г. на территории Сырдарьинской области общая численность населения области составляла 1478396 чел., в числе которых было русских 31900 (2,16%) чел., украинцев 12853 (0,81%) чел., белорусов 81 (0,1%) чел., в то время как подавляющим большинством населения являлись киргизы (современные казахи) в количестве 952061 чел. (61,49%). Помимо вышеперечисленных народностей на территории области проживало большое количество и других национальностей, однако, нашей задачей является обратить внимание на то, что в процентном соотношении количество проживающих на территории Сырдарьинской области «киргизов» (современных казахов), кара-калпаков, сартов, узбеков, тюрков составляло 95,54% по сравнению с русскими, украинцами и белорусами, составляющими 3,13% от всего населения [5].

Кроме того, выше обозначенная перепись содержит данные о вероисповедании населения Сырдарьинской области. Анализ данного документа позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство населения исповедовало ислам. Их количество составляло 1425313 чел. (96,62 %), в то время как последователи христианских конфессий распределились следующим образом: православные – 42266 чел. (2,86%), старообрядцы – 2855 чел. (0,19%), католики – 2956 чел. (0,20%) и протестанты – 1921 чел. (0,13%) [5].

На территории Семиреченской области общая численность населения составляла 987863 чел., в числе которых было русских 76889 (7,78 %) чел., украинцев 18611 (1,88%) чел., однако, как и в Сырдарьинской области «киргизы» составляли большую часть населения, а именно 794815 (80,46%) чел. Таким образом, можно сделать вывод о том, что количество проживающих на территории Семиреченской области «киргизов», черемиссов, татар, сартов, таранчей, калмыков и проч., составляло 89,67% по сравнению с русскими, украинцами и белорусами, составляющими 9,66% от всего населения [5, с. 6].

Что касается вероисповедания населения Семиреченской области, то, так же как и в Сырдарьинской области, подавляющее большинство населения исповедовало ислам. Их количество составляло 90,12% в то время как православие исповедовали 9,79% населения области [5, с. 7].

Все вышеизложенное дает нам возможность говорить о том, что, несмотря на стремление Российской империи осуществить интеграцию новой территории за счет переселенческой политики, количество славянских народов, проживающих на данной территории, составляло весьма скромную цифру по сравнению с коренным населением. То же самое можно говорить и о присутствии христианства в регионе, т.к. процент населения исповедующего христианство того или иного толка составлял лишь 3,38%, в то время как последователей ислама насчитывалось 96,41% [4? с/ 13].

В 1899 г. в военном министерстве была создана специальная комиссия, которая начала разрабатывать проект «Правил о добровольном переселении сельских обывателей в коренные области Туркестанского края» [11, с. 76].

10 июня 1899 г. при военном министерстве была образована для обсуждения вопросов переселения особая комиссия, результатом трудов которой было издание 12 июня 1903 г. в законодательном порядке правил о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли в области Сырдарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую [6, с. 7]. Теперь «Правила» становились законом, который определял переселенческую политику Российской империи в Туркестанском крае. Так, пункт 1-й «Правил» гласил: «К переселению на казенные земли в Сырдарьинскую, Ферганскую, Самаркандскую допускаются сельские обыватели и мещане православного вероисповедания, принадлежащие к коренному русскому населению Европейской России. Министру внутренних дел и военному, по взаимному согласию предоставляется определить, представители каких раскольничьих сект могут быть допускаемы к переселению в эти области» [1, Л. 18]. Кроме того, в край дозволялось переселяться «нижним чинам» христианского вероисповедания (ст. 2). Размер земель, отводимых в постоянное (бессрочное) пользование переселенцев (ст. 8), не должен был превышать трех десятин (ст. 7) [1, Л. 18].

Таким образом, Туркестанский край, учрежденный указом Александра II от 1 июля 1867 года, носил принципиально новый геополитический статус, подразумевавший укрепление позиций России в регионе, и интеграцию новой территории в состав государства. Имперская политика на новой окраине характеризовалась военно-народным управлением, которое представляло собой сращивание военной и гражданской власти. Для скорейшего и более глубокого освоения региона военное министерство, в ведении которого находился Туркестанский край, начало осуществлять переселенческую политику. Суть данной политики заключалась в переселении в регион православного населения, которое должно было выполнять функцию приобщения коренного населения к российской государственности, языку, хозяйственной культуре. Стоит отметить, что применение такого способа интеграции новой территории в состав империи как переселение было применено потому что «коренные области» Туркестана отличались плотностью населения и религиозностью автохтонного населения, что исключало возможность миссионерской деятельности. Данный процесс, поначалу проходивший достаточно сдержанно, в 90-х годах XIX – начале XX в. обрел куда более широкие масштабы.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив Республики Узбекистан. Ф. И.-1. Оп. 17. Д. 456.
2. Остроумов, Н.П. К.П. Кауфман : устроитель Туркестанского края / Н.П. Остроумов. – Ташкент, 1899. – 289 с.
3. Пален, К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края / Переселенческое дело в Туркестане / К.К. Пален. – Санкт-Петербург, 1910. – 419 с.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Сырдарьинская область. – Санкт-Петербург, 1905. – 232 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Семиреченская область. – Санкт-Петербург, 1905. – 150 с.

6. Переселенческое дело в Туркестанском крае. Отчет по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 года чиновника особых поручений при Переселенческом Управлении Н. Гаврилова. – Санкт-Петербург, 1911. – 337 с.
7. Положение об управлении Туркестанского края. – Санкт-Петербург, 1886. – 50 с.
8. Южаков, Ю.Д. Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем / Ю.Д. Южаков. – Санкт-Петербург, 1891. – 84 с.
9. Брежнева, С.Н. Толерантность по-русски: из истории проведения религиозной политики Российской империи в Туркестане / С.Н. Брежнева // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. – 2015. – № 8. – С. 211–222.
10. Волков, А.П. Развитие военно-административного управления в российской Средней Азии во второй половине XIX в. / А.П. Волков // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 8. – С. 76–81.
11. Волков, И.В. Колонизация русского Туркестана: религиозный аспект / И.В. Волков // Государство, общество, церковь в истории России: материалы XV Международной научной конференции: в 2-х частях, М., 23 – 24 марта 2016 / Ивановский государственный университет. – Москва, 2018. – С. 73 – 80.
12. Волков, И.В. Переселенческая политика царизма в русском Туркестане: правовой аспект (вторая половина XIX – начало XX вв.) / И.В. Волков // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2013. – № 6. – С. 9–14.
13. Гинзбург, А.И. Русское население в Туркестане (конец XIX – начало XX века) / А.И. Гинзбург. – Москва, 1991. – 141 с.
14. Котюкова, Т.В. Туркестан в дискурсе фронтальной модернизации в Российской империи в конце XIX – начале XX в. / Т.В. Котюкова // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. – 2015. – № 1. – С. 54–57.
15. Котюкова, Т.В. Окраина на особом положении...Туркестан в преддверии драмы / Т.В. Котюкова. – Москва: Научно-политическая книга, 2016. – С. 391.
16. Центральная Азия в составе Российской империи: коллективная монография / С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова [и др.]. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
17. Цыряпкина, Ю.Н. Особенности русского переселенческого общества Сырдарьинской области в конце XIX – начале XX вв. / Ю.Н. Цыряпкина // Диаспоры. – 2012. – № 1. – С. 183–187.
18. Цыряпкина, Ю.Н. Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в. : основные социокультурные характеристики / Ю.Н. Цыряпкина // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 411 – С. 6–29.